

*Анатолий Агарков*

# *В паутине*

Анатолий Агарков

**В паутине**

«Издательские решения»

**Агарков А.**

В паутине / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969177-4

Интернет, всемирная паутина, удивительный мир... Чего только не встретишь на необъятных просторах его. Любопытнейшие открытия ждут нас после каждого клика «мышки»... А можно ли зарабатывать в инете? Да легко!

ISBN 978-5-44-969177-4

© Агарков А.  
© Издательские решения

## В паутине

### Анатолий Агарков

*Чтоб выжить и прожить на этом свете,  
пока земля не свихнута с оси,  
держи себя на тройственном запрете:  
не бойся, не надейся, не проси.  
И. Губерман*

#### 1

© Анатолий Агарков, 2019

ISBN 978-5-4496-9177-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Племянник Андрей Евдокимов, всю жизнь мечтавший замутить свое дело, но так ни на что и нерешившийся, подбил меня на Интернеткоммерцию.

– На автобусе или электричке ты попадешь на одно предприятие. На своей машине – в два-три... Включаешь компьютер, открываешь Инет и перед тобой весь русскоязычный мир, – убеждал он меня.

И в этом был резон, а у Андрея свой интерес.

– Я соберу тебе комп из запчастей совсем недорого.

Как раз деньги в тот момент для меня не были дефицитом. Экипируясь на новое дело, в крутом челябинском магазине «Голованов и К.» закупил необходимую оргтехнику для домашнего сидения – телефакс с мобильной трубкой и автоответчиком, принтер, сканер, стереоколонки... Для компьютера приобрел специальный столик и вращающееся на колесиках кресло под себя. Мог бы и комп новый взять или ноутбук, но племянш хотел заработать и готов был выпрыгнуть из штанов, чтобы меня уговорить. Он был энергичным парнем с золотым, как я подозревал, сердцем. И я уступил, поскольку своему «сборнику запчастей» он обещал технологическую поддержку – например, бесплатный антивирусник «Доктор Вебер» и всякие установочные программы. Я хоть и научился набивать одним пальцем тексты на компьютере в Архитектуре, но Интернет для меня был неизвестен. Вокруг него бушевало много тайн и секретов, в которые Андрей Владимирович обещал меня посвятить.

М-да... Ну, вообще-то идея была интересная. У меня собственных товаров полный склад. Во всю работал конвейер бесплатных объявлений в самой популярной местной газете: «Беру товары на реализацию» – и мне звонили. Но товары я никуда не брал, а записывал информацию о нем, а потом размещал на досках бесплатных объявлений в Интернете. Спаси, Господи, душу мою грешную, но мне бы не хотелось от этого отрезаться.

В принципе, отказавшись от магазинов и берясь за Интернеткоммерцию, я планировал свой рабочий день так:

– ночью, в «час Пикуля», отвечаю на почту и размещаю информацию о товарах на доски объявлений;

– днем, если где-то что-то срлось, осуществляю эту сделку.

Правда, у меня еще был долг перед Черновым и обязательство вывезти его бетонные плиты с ЮЗСК. Но одно другому не мешало. И я вернулся в игру тет-а-тет с удачей – повезет-не-повезет. Адреналин вскипал в крови от предчувствия успеха – знакомое, пьянящее чувство азартного игрока! Да – думалось мне – хорошая это работенка для человека, склонного к размышлениям и анализам, а не к беготне за рублем.

Но практически сразу возникла проблема. Дело в том, что Интернет у меня проводной – через телефон, телефонный кабель и Увельскую телефонную станцию. Днем, бывает, восьмерка перегружена, а ночью соседка стервозничала...

Дело в том, что телефон нам провели, когда отец работал инспектором телефонных столбов и линий. Потом соседку подключили к этой же линии, поставив блокиратор прямо на столб. Если я поднимаю трубку, у неё отключается телефон. И наоборот...

Заметив мои ночные бдения, соседка начала пакостить – снимет трубку с рычажков и спит сном праведницы, а для меня закрыт доступ в Инет. Ну, ладно... идти к ней ругаться мне не хотелось. Я тоже снял трубку, да на целые сутки. Ночью сунулся – нет связи. Лишь на третий день соседка сообразила, что жить дружно будет полезнее. И мы заключили перемирие, не встречаясь и не обговаривая условий.

М-да... И давайте-ка немножечко отвлечемся...

Как вам такая мысль – никогда не пытайтесь судить о человеке по его внешности.

Вот скажите: важный вопрос – как человек одевается? Судя по Чехову – очень. Но опять же мода берет своё... В римской тунике, к примеру, уже не пойдешь нынче на дискотеку. Когда-то мы, выпускники ДПА, всеми любимого декана нашего пригласили на банкет по поводу защиты дипломов – он сказал очень строго, практически категорично:

– Приду. Но если увижу кого-нибудь из вашей компании в джинсах, сразу уйду...

Тот же декан поучал нас, подвыпивши:

– Мужчины всегда предпочитают женщин с большими грудями и задницей не только по принципу, чтобы было за что держаться – нужна прокладка, разделяющая тела, иначе можешь оказаться наедине с её обнаженной душой. А это не комифо – душа женщины без её телесных прелестей.

М-да... Это к тому, что бывают моменты, когда и очень принципиальному человеку бывают пох... все условности.

В райкоме партии заставляли носить галстук. Хорошо было на аэродроме – на всех удобные «технички» и никаких проблем.

Стал бизнесменом – сломал голову над вопросами: в чем ходить? как одеваться? Жены нет – она бы приучила меня к порядку. А так...

Порой приезжают ко мне по объявлениям о приеме товаров на реализацию очень серьезные люди – в пиджаках, при галстуках, на брюках стрелки... А я выхожу к ним в мятой футболке и трикушке с пузырьчатыми коленями. Несерьезно вроде бы, но дело-то делается.

В конце концов, я и сам себя убедил, что небрежность формы одежды служит своеобразным талисманом, защищающим меня от окружающего мира и позволяющим плевать с высокой колокольни на все, что не имеет значения. Ведь любой дурак может носить костюм, но придурки в делах никому не нужны.

Независимость от условностей учит таких, как я, понимать, что люди многое могут простить или попросту не обратить внимания, если ты никак не реагируешь на их замечания и доводы. Не каждый способен разобраться в психологическом механизме, движущим обществом. Но тех, кто ему уже неподвластен, уважают... или травят, дай только слабинку. Общество считает – те, кто живет не по правилам, несет невыносимое, неуместное и разрушительное его устоям. Именно люди, неподверженные условностям, представляются обществу его злейшими врагами. И оно на них нападает.

Но с другой стороны...

Все мальчишки, если мамы за ними следят не слишком, как правило, плохо ведут себя и одеваются. Но с годами они меняются и забывают о прошлых шалостях, потому что нравиться девочкам для них становится важнее, чем вызывать их отвращение. А девчонки обычно влюбляются в расфуфыренных кавалеров...

Как бы там ни было, к черту все это!

Тамаре по барабану мой внешний вид, а вот Лялька, помнится, шпыняла... Как-то, лежим мы с ней рядышком на диване и наперегонки читаем одну книгу «Джим Грин неприкасаемый». Ну и вот, сцена по тексту: ипподром... скачки... публика, вся прилично одетая... а самый знатный и богатый из всех присутствующих – в джинсах, сапогах ковбойских и толстом свитере грубой вязки.

Говорю жене:

– Смотри, любимая – мужик без галстука и фрака чихать хотел на почитаемого тобою А. П. Чехова и его постулат о человеке, в котором все прекрасно, с высокой горки.

Лялька тут же ответила, не моргнув глазом:

– Станешь миллионером, хоть голым ходи.

Практически через столетие с высоты своей мудрости отвечаю на её тогдашний экспромт по поводу:

– Чтобы быть свободным от условностей общества, не обязательно иметь в банке семизначный счет в долларах – достаточно мужества себя уважать таким, какой ты есть. А пыль в глаза в виде пиджака, брюк со стрелками или галстука влечет за собой лживость мыслей и слов.

Или я не прав?

В конце концов, реальность нуждается в изъятиях: она не существует без них, как дорога без ям и трещин. Не может быть в человеке все прекрасно – если он с иголки одет, ждите: он вам сейчас обязательно соврет. Это логично. Потому что ложь всегда рядится, а правда такая, какая есть. И с другой стороны, если на тебе потная майка и пузырится трико на коленях, по закону всемирного равновесия врать тебе противопоказано – говори правду, дружок.

Нет, в самом деле, что-то напутал Антон Палыч. А для меня: подвергать все сомнению – это и значит жить. А разве можно иначе?

Не убедил? Ну и ладно. Поехали дальше...

Дочери очень понравилась моя навороченная оргтехника. Каждый раз, бывая в гостях, она забавлялась с автоответчиком, постоянно меняя текст ответа на звонки. В конце концов, вот что у неё получилось.

Когда после трех входящих звонков включался автоответчик, он приветствовал респондента громким петушиным «ку-ка-ре-ку!» – это Настя со своего мобильного записала. Потом звонкий девичий голос возвещал: «Добрый день! Папа в поле, мама на ферме, я в школе, а Витя спит – и не пытайтесь его будить! Если вы хороший человек, оставьте свое сообщение – вам обязательно перезвонят».

После такого приветствия записи звонивших все равно были в основном деловые и приличные. Но случались и такие: «Милое дитя! Я очень хороший человек, но передай своему папе, который сейчас в поле – как только я его поймаю, все ноги перелломаю». Конечно же, то была шутка юмора, и моим ногам ничто не грозило. А вот Настя просила все прикольные записи на автоответчике не удалить и с удовольствием озвучивала их своей маме, демонстрируя удивительный дар мгновенно перевоплощаться из серьезной девушки в озорного ребенка.

Когда она улыбается, у меня щемит сердце, глаза наполняются слезами, а колени слабеют. Даже любимые женщины не могли со мной делать такого. Вот такие минуты в жизни мне хочется остановить, как стоп-кадр, чтобы остаться с ними подольше, напиться ими на всю оставшуюся жизнь...

В окружении оргтехники дочь мою охватывало вдохновение, и под её режиссурой и с моими подсказками в нашем с мамой большом доме начинался спектакль с рабочим названием «Босс и секретарша». Кто из нас босс, а кто секретарша – это понятно. Но мне иногда по ходу действия доставались еще роли посетителей в приемной или звонивших по телефону респондентов. В чем суть происходящего будет понятнее, если вспомните замечательный фильм Дмитрия Астрахана «Все будет хорошо». Эту кассету мне тоже дочь подарила.

Итак, я – крутой бизнесмен Константин Смирнов. Секретарши по фильму у него, правда, не было, но дочь смотрела на меня вдохновенно, когда я вещал в мобильную трубку телефакса кому-то неведомому:

– Танков я вам продам сколько угодно, а с нефтью, пожалуй, погоду.

Мы грузили корабли товарами и отправляли через океаны. Покупали и продавали акции. Строили и открывали отели на тропических островах. Кого-то разоряли, обогащаясь. Боролись с мафией и сами нанимали убийц конкурентам...

Фантазии ни мне, ни дочери не занимать.

Каким-то образом эта игра привела к целой серии доверительных признаний. Настя жаждала от меня узнать насколько серьезно мое желание быть бизнесменом. Есть ли у меня какие-нибудь сумасшедшие идеи по поводу быстрого и реального обогащения? Она засыпала меня вопросами. И я очень серьезно к ним относился, однако никак не мог дать ей ту информацию, в которой она нуждалась. Пока еще нет...

Моя тупость в этой области злила дочь. Она уходила обиженной, а через неделю возвращалась с новыми вопросами. И если я не находил удовлетворительных ответов, опять была недовольна.

– Думай сама, – отбивался я.

И мне кажется, наши с дочерью деловые игры, как и танцы древних аборигенов, должны были объяснить окружающим да и нам самим, в первую очередь, необъяснимые вещи из нашей жизни. И мы настолько часто их практиковали, что очень скоро почувствовали себя одной командой: совместные игры детей и взрослых имеют свои особенности, и мы с Настенькой стали потихоньку осваивать их. И вот что самое интересное – мы не мнили себя киногогероями, нас увлекало само дело: что-то продать-купить-замутить...

Наши деловые с дочерью игры кроме простых эмоций и напрасного (по мнению Тамары Борисовны) времяпровождения имели, на мой взгляд, положительные моменты. Меня они заряжали предпринимательским духом. Дочь стала меньше бояться окружающего мира. Мы были равноправными партнерами в бизнесе – босс и секретарша. Подобострастию я не учил ребенка. В нашем общении не было пустых светских разговоров – каждое слово в дело. Бизнес прежде всего, всё остальное – побоку.

Тамара Борисовна, так и не нашедшая с моей мамой общего языка, обычно сидела рядом в кресле, сдвинув колени и кинув руки на подлокотники, внимала зрительно и неодобрительно качала головой. На её красивом лице маской застыло сердитое выражение. Такое впечатление, будто она боится, что своей игровой в деловую и обеспеченную жизнь, мы отпугнем её из реальной. Прощая дочери её ребячества, меня считала полоумным.

– Вы только подумайте об одной вещи – все известные из кинофильмов деловые люди добиваются многого, да только кончают уж очень плохо, – заявила однажды Тома, сохраняя абсолютно мрачное выражение лица.

Я нахмурился, состроив непревзойденную гримасу, долженствующую означать: ох уж эти мне взрослые женщины, брошенки-разведенки – разве дано им, несчастным, творческих людей понять? Но вот ведь беда: мы не можем жить с ними, но и без них никуда.

Да и они без нас тоже – Тома так объяснила свой интерес к нашим играм:

– Хочу научиться беспристрастности.

– И какой же степени беспристрастности ты можешь достигнуть, глядя на нас?

Мой тон был необъяснимо горек, хотя вслед за словами пришло понимание, что имела ввиду мать моего ребенка. Тамара Борисовна на моем примере воспитывала нашу дочь – как не следует жить и вести себя в этом мире. Меня охватило разочарование – непонятное, необъяснимое: не может никак уразуметь мать моей дочери, что в деловые игры сегодня играют даже вполне приличные взрослые.

Тома в ответ придала своему лицу самое кислое выражение, на какое была способна:

– Ладно, Настя – ребенок, но ты-то ведь взрослый человек! Всю жизнь собираешься в игрушки играть? Ты – несерьезный отец. А ваши глупые игры действуют мне на нервы.

Что ж, она, по крайней мере, была честна, а в её голосе слышались нотки горечи, и я решил, что могу этим воспользоваться:

– Я всегда и во всем серьезен – даже когда улыбаюсь. В этом трагизм моей жизни.

– Твоя беда в том, что ты понятия не имеешь о реальной жизни в реальном мире. Все твои знания – из книг или от твоих кумиров. Вы играете с дочерью сцены жизни, которой вам никогда не жить – потому они и выглядят карикатурными: никакой правды нет в них.

Я представил себе, какой она будет в старости – красивая женщина со шрамами непрощенной мудрости на лице.

– А кто тебя посвятил в реальную жизнь? Твоя мама? Так просвети нас ты!

– В чем?

– Кого нам стоит благодарить за то, что распалась наша семья? Ответь мне и дочери...

– Конечно, тебя, – не задумываясь, сказала Тамара. – Это ведь ты скрылся от нас сюда.

– Нет – должен был дать себя убить там...

Уже нахмурившаяся нашему спору дочь засобиравшись домой:

– Мама, нам пора.

Мне оставалось лишь надеяться, что Настя со временем во всем разберется сама – я не настраивал её против покойной бабушки.

Тома всегда так уходила, со злобной миной во взгляде – и с подарками от свекрови, и без подарков. Единственное, во что она не целилась, было её отражение в зеркале на выходе. Настя бабушку на прощание целовала, мне махала рукой: «Пока...»

К тому времени, как я занялся Интернеткоммерцией, а мы с дочерью деловыми играми, давно уже с Тамарой Борисовной охладели друг к другу, как супруги. От бывлой моей влюбленности в красивую женщину и следа не осталось. Более того, бывшая жена казалось мне теперь символом утраты последних юношеских иллюзий. Не растеряв желания обладать женщинами – делать их счастливыми или несчастными, очаровывать или разочаровывать, знакомиться с ними и бросать их – навсегда исключил из этого списка маму Анастасии.

Тома тоже от меня отдалилась, лишь по привычке называя «нашим папой», и всеми фибрами души растворилась в дочери – точнее, её растворила в себе, считая неотъемлемой частью сути своей. При этом менее всего думая о духовно-нравственном воспитании ребенка в угоду материального благополучия и настроения.

Впрочем, чадолюбие её не было слепым. С первого дня своих отношений с дочерью, она затеяла их так, чтобы Настя знала, что мама её очень любит, но в доме главная не она, что правила поведения разумны и придуманы для того, чтобы им следовать. Что «нет», значит «нет» – хоть ты и милый ребенок, это еще не дает тебе права делать все, что вздумается. Таким образом ребенок наш получил хорошее воспитание.

Но кроме того, когда Анастасия немного подросла и начала осознавать окружающее, она поделила с мамой одну общую боль – неадекватное поведение своей бабушки.

Возможно, и покойная Мария Афанасьевна была не самостоятельным индивидуумом в глазах Тамары Борисовны, а неотъемлемой частью – хотя и не самой лучшей – её эго. И очень даже может быть, что её запойные пьянки – своеобразный протест против пуританского диктата суровой дочери. Но настаивать на этом утверждении не решусь.

Как-то вот так было все устроено в покинутой мною семье, но и это не главное...

А, кстати – как я там жил? Прежде всего вспоминается ощущение невероятной усталости. Молодой семье нужны были деньги, и я работал по полторы смены – с восьми утра до восьми вечера – мастером и станочником в инструментальном цехе Южноуральского арматурно-изоляторного завода. Возвращался домой на автобусе порой кругами, засыпая в дороге. Дома пьяная теща всю ночь стучала в дверь нашей спальни каблуком туфли, приговаривая:

«Томка-дура, сделай аборт! Не хочу ребенка от него...» Жена, лежа рядом, удерживала меня от расправы над потерявшей берега своей пьяной матери. Ненависть и усталость – вот чем запомнился первый год моей супружеской жизни. На второй год родилась Настя, а я однажды не сдержался, отправив тещу в нокаут жестоким апперкотом. И ушел...

Ушел, всем существом, всеми внутренностями постигая – что-то сдвигается со своего места. Чувствовал как в мою кровь, в каждую мою клеточку и капилляр проникает мысль о маленькой дочери. Настенька, Господи боже мой, Настенька! Что будет с тобой?

Живя у родителей, я стал приходящим папой – иногда даже оставался ночевать, если теща была в добром здравии. Все было хорошо... А вот когда уходил, дочь со слезами на глазах смотрела на меня. Она могла плакать, могла не плакать, но всегда глядела так, словно готовилась к тому, что я больше к ней не приду.

Чувство вины перед бывшей женой почти никогда не отпускает меня – обычно я ощущаю его как легкое прикосновение потных пальцев. Вина стремится пробраться в любую щель, быть одновременно повсюду, проскользнуть из прошлого в настоящее чтобы задеть и укорить. Вина моя перед ней, как симптом хронической болезни – то ослабевает, то усиливается. Чем меньше Тома нравится мне, тем сильнее достает вина перед ней, порой доводя до слез.

Но кроме ребенка было еще кое-что общее между мной и бывшей женой – мы были одинокими в своих муках и стыде, мы были бесполезны друг другу. Тамара Борисовна была чрезмерно суровой и жестокой по сравнению со мной. Я-то вырос в нормальной семье, а она свое детство и юность провела бок о бок с психически неуравновешенной алкоголичкой и потому не знала счастья с раннего возраста. Возможно, она была самым несчастным человеком, которого я когда-либо встречал.

Призраки моей вины перед близкими мне женщинами продолжают преследовать меня. Я не смог сохранить свою вторую семью, но Тома и не нуждалась в замужестве. Муж ей был нужен лишь для рождения законного ребенка. Теперь я это понял и все чаще задумывался: каково это – быть её дочерью?

Анастасия как раз сейчас этому учится. Но дочь никогда ни на что не жаловалась. В пятнадцать лет уже красotka – личико худенькое со вздернутым носиком, который ей ужасно шел. Но она считала – и в том был резон – что вся прелесть её в прекрасных глазах. Она была изящна, и худоба придавала ей некую аристократичность. Даже не из игр наших, а по внешнему виду я решил, что Настя из тех женщин, которые лучше выглядят на службе, чем дома – все в ней говорит об уме и благопристойности. А это может привлечь лишь серьезных мужчин, отпугнув ловеласов и соблазнительей.

Сейчас гормоны в ней так и играют – и в то же время порой мелькает брезгливое отношение к окружающему. А в последнее время заметил в ней перемену – сверстницы уж давно мальчишками интересуются, а она все больше деловыми мужчинами. К примеру, одним папуасом из Южной Африки... хотя об этом позднее. На сверстников и даже мальчишек постарше дочь смотрит по-взрослому – снисходительно.

В её возрасте... нет, даже раньше я уже испытал чувство любви к красивой девчонке, умевшей лихо играть в футбол. И если бы Настя сейчас начала принимать ухаживания какого-нибудь парня, я жутко за неё переживал – хотя и виду не подавал, но в глубине души поощрял такую дружбу. Однако, увы...

Тамара этого не замечает (или делает вид, или себя вспоминает в таком возрасте), а меня страх берет, и сердце скребет когтистая лапа какого-то дурного предчувствия. Мне не хочется для единственной дочери судьбы деловой женщины, очень успешно продвигающейся по служебной лестнице, но глубоко несчастной и одинокой.

М-да... невеселое будущее напроорочил я дочери. Но Анастасия, похоже, выросла и решать будет сама. Бог мой! Когда же такое могло случиться?

Хотя, наверное, это планировалось. Не Судьбу же свою в том винить, которая не размешивалась в мою жизнь, направляя её, куда ей угодно. Уж я-то с ней хорошо знаком и всегда узнаю по почерку. Разочаровавшись в третьей попытке дать себя охомутать прекрасной Оксане, решил посвятить себя жизни вольной и первобытно-прекрасной – стать одиноким аборигеном Интернета: охотником и собирателем. Одиночество мне хорошо знакомо – это постоянное состояние души между редкими всплесками влюбленности.

Вот от образа Оксаны нелегко было избавиться, несмотря на то, что она навсегда пропала в городском тумане. И я не пытался её найти, как бы просто это ни казалось. Я понимал, что такого лучше не делать – чувство брезгливости не пересилить. Вместо этого облик её превратил в абстракцию, которая приходила ко мне во сне. А проснувшись, продолжал чувствовать её запах – запах солнца и леса после приятного сна, с угаром бензина и свиной мочи после кошмара...

Наш задуманный и несостоявшийся брак – что это, как не осколки вдребезги разбитого стекла? Видит Бог, как я её любил при всей огромной разности в возрасте. Оксана увлекалась музыкой, танцами, вечеринками и вечерами, а я мог в кругу её друзей похвастаться лишь одним – меня трудно было спойти: я мог употребить много и не захмелеть, потому что умел это делать.

Сцена была её стихией. Однажды клуб «Данко» встречал высоких гостей художественной самодеятельностью. Оксана была ведущей. Мы поехали в Южноуральск и в крутом магазине купили концертное платье. Когда любимая походкою от бедра выходила к микрофону, объявлять следующий номер и его участников, мои соседки в зрительном зале восхищались: «Ах, какое на ней шикарное платье!». Глупые бабы – это Оксана собой украсила тряпку!

В отличие от меня она была общительной и легко сходилась с людьми обоего пола и разного возраста – в ней горела потребность видеть, трогать, искать в людях лучшее. Она была пылкой и разговорчивой – любила нанизывать слова, строить из них головокружительные башни, чтобы потом карабкаться вверх, к смыслу и сути. А я лишь поддакивал ей и молил – скорей приди ночь: потому что всегда её хотел...

Память тела – куда ж от неё деваться! – возвращает Оксану каждой клеточкой: твердой, свежей, упругой, неподвластной закону гравитации. Вспоминая, как она танцует – движется, кружится, смеется, встряхивает головой, выгибая красивую шею – ощущал как в плоти моей разгорается адское пламя. И не просто так. Причиной всему была она. Что-то уж очень притягательное исходило от этой женщины – её тела, улыбки, ко мне обращенной...

Хоть и были навеселе, хорошо помню, как танцевали с Оксаной танго в санатории «Урал» в ночь перед Рождеством. Как скользили под музыку, прикинув друг к другу – глаза в глаза. Как без стеснения, ладони мои ласкали её ягодицы, а она не сопротивлялась.

После танцев вспоминаются секс и Оксана обнаженная рядом со мной – и капельки пота на её лбу, и взгляд затуманенный страстью... Любимая женщина со мной в постели – судьба в этот раз подыграла. Но откуда мне было знать тогда, что эти милости дарованы лишь на короткий срок. И потом радужное будущее исчезает, оставляя ни с чем в тоскливом настоящем, где все заранее известно, и нет места надежде, и дни перетекают один в другой, такие похожие и невзрачные...

Нет, больше я не поддамся уловкам Судьбы, чтобы не было потом боли и разочарования. Как говорится, ушла так ушла – как младенец покидает материнское лоно раз и навсегда. Начинается новая жизнь...

М-да... Женщины... любимые мною женщины – они покидают меня одна за другой. А ведь я их любил... так любил, что казалось – такого больше у меня уже никогда не случится. Дважды такого не бывает, как снаряд не падает в одну воронку... но все повторялось. А у большинства мужиков и одного-то раза такого не было.

Потеряв Оксану, был самым несчастным из всех живущих на свете людей, если бы не Инет. Думаю, если бы не Всемирная Паутина, сидеть мне по ночам за рукописями, но не с пером в руке, а стаканом «огненной воды», и, давясь слезами, думать о том, что жизнь моя катится под откос. Адреналин открытий Интернета заполнил зияющую пустоту, обнаруживая свой тайный смысл.

М-да... Инет, Инет... Четыре утра, а я бодр, как в лучшие ночи творчества. Настроение праздничное, как в День Победы. Внутри все кипит от кофе...

Всю жизнь ждешь чего-то подобного – себе не признаешься, а ждешь. Нет правда, вот она – настоящая жизнь. Даже более настоящая, чем в реальности. Сверхреальная...

Но на первых порах удача в Интернеткоммерции упорно избегала меня. Информация мусолилась туда-сюда, информации было много, но результатов – кот наплакал.

Андрей Владимирович записал мне на диск компьютера очень много хорошей музыки. Когда дело не шло – а оно долго не шло – прелестные мелодии и голоса кумиров лили бальзам на мою душу.

Иногда, обычно по праздникам – День Пограничника или Флота – я накрывал компьютерный столик выпивкой и закуской. Включал «воспроизводство музыки» и за душу берущие мелодии витали по комнате лентами серпантина... а я ждал слез. Лишь после того, как они навернутся на глаза, считал, что праздник удался. Я пил, закусывал и плакал, восхищаясь полнотой существования и поражаясь ощущению законченности действия... от всей души без изъяна. Ведь все эти песни и инструментальные шедевры напоминали мне мою молодость – когда грудь сжимается от беспричинной, но бурной радости, а все дурачатся и смеются, и нам так хорошо вместе...

И столько было энергии... Куда же все это подевалось с годами? Наверное, мы научились её прятать – запихивать в дальние уголки души.

Такие застолья считал возрождением к лучшему. Меня бы не удивило, окажись я утром в совершенно незнакомой вселенной. Неуместной казалась радость от узнаваемости окружающего – ничто не меняется в этом мире, но есть еще мир виртуальный, полный надежд и загадок. Возможно, я сумею когда-нибудь раскрыть его тайны.

Что ни говори, а в каждом из нас есть – пусть и небольшая – склонность к каким-нибудь невероятным открытиям. Ведь не зря же Интернет называют Всемирной Паутиной, которая смогла охватить своими невидимыми сетями весь мир – и даже еще непознанный. Мне очень кажется символичным это название – паутина. Я ведь давно верю, что все на свете и в нашей жизни связано меж собой... нитями. Потянешь за ниточку, глядишь – изменилось что-то. Если бы сестра моя не вышла замуж за короля Увелки Еву, я мог быть примерным учеником в школе и хорошим студентом в институте – служба во флоте меня миновала. И не было бы Ляльки у меня, и нашего сына. Совсем другая была бы жизнь...

Теперь мне казалось, что на экране монитора я зримо вижу эти нити Всемирной Паутины – потяну вон за ту, и что-то где-то изменится. За эту – и изменю ход всей истории... или, по крайней мере, своей судьбы.

Чаще всего эти видения возникают под винными парами. Игра пьяного воображения берedit и тревожит, как в ботинке камешек. Мне и хочется и не хочется изменить свою жизнь компьютером...

Мои неудачи в продвижении темы подвигли меня самого к сомнениям. Отправляя горы хлама из ящика электронной почты в спам, стал задумываться над фразой – Бог проявляется в мелочах. Ближе-ближе, вот уж рядом...

Короче, однажды в поисках темы и успеха по ней взял и открыл на свой страх и риск письмо неизвестного респондента, озаглавленное «Привет, дорогая!» А ведь наставник-племянник предупреждал – ни в коем случае не вскрывать письма незнакомых отправителей: можно такой вирус подхватить, что и комп взорвется к чертовой матери.

Но вот это – «Привет, дорогая!» все-таки чем-то заманило: взял и открыл.

Вируса никакого не было – было письмо от чернокожего мистера из Южно-Африканской республики. Он адвокат и стал поручителем некоего богатого американца с русской фамилией Агарков. Этот янки – возможный мой родственник – приехал на африканский континент по неведомой надобности и бросил кони, оставив местному адвокату-поручителю, имярек, несколько десятков миллионов баксов. Деньги эти находятся в банке, а у чернокожего моего респондента есть код доступа к ним. Отчаявшись найти наследников безвременно усопшего мистера Агаркова, он (то есть автор письма) обратился в Инет... и о чудо!... нашел меня.

Доказать мое родство с усопшим американцем будет сложно, но возможно так оно и есть. Чтобы деньги эти, не обрета наследников, не достались банку или казне Южно-Африканской Республики, автор письма предлагает их отправить в Россию на мой валютный счет. Он считает, что так будет справедливо и надеется на небольшое вознаграждение своих услуг с моей стороны после получения всей суммы.

Как Вам тема? Дурит, конечно, папуас-адвокат – лопухов ищет. Но с другой стороны... Старший брат отца Федор Кузьмич Агарков пропал без вести в боях за Воронеж в 1943 году. Бабушка Наталья Тимофеевна ездила туда, но могилы сына не нашла. А если он в плен попал? Не думаю, чтобы он стал сражаться против своих, перекинувшись к немцам, хоть и служил в штрафбате у нас. Мог в концлагерь попасть на запад Германии – в ту её часть, которую оккупировали войска союзников. Оттуда в Америку. Деловитый и башковитый, он легко мог стать миллионером в стране великих возможностей... А на Родину, как штрафнику, пропавшему без вести, путь ему был закрыт.

Как Вам такая версия?

Короче, ответил я адвокату, а письмо его показал только умничке Насте. Ребенок мой высказал предположение, что такие послания составляются роботами (перевод надоумил – конкретное слово «дорогая»). И предложила проверить чернокожего благодетеля. Она написала ему письмо от себя лично – мол, так и так, она Настя Агаркова и ей очень интересно переписываться на русском языке с иностранцем.

Негр ответил, как живой человек. Прислал свое фото – чернокожий, губастый в больших затемненных очках. Назвался тридцатисемилетним успешным и неженатым адвокатом. В письме пятом или седьмом попросил у меня руки моей дочери и высказал желание перебраться в Россию на постоянное место жительства.

Мы с Настенькой уже не знали, что и думать. Правда, замуж ей еще рано, а вот в сбербанк я ходил на консультацию по поводу открытия валютного счета.

М-да... Закончилось все банально просто. Адвокат из ЮАР попросил сто двадцать американских денег на какие-то банковские формальности. Я ответил – отдам половину из того, что он мне перечислит и отправил реквизиты своего валютного счета. Переписка на этом оборвалась...

Очень Настя переживала – не из-за денег, конечно: ей было вельми интересно общаться с иностранцем. Она подругу из класса приводила в мою штаб-квартиру – хвасталась перепиской и фотографию кавалера показала. В результате обиделась моя дочь на всех африканских негров без исключения.

А мне эта переписка пришлась по нраву – в лохотронщике-папуасе рассмотрел я родственную душу. С одной стороны она (переписку имею ввиду) подтвердила, что Инет полон тайн и опасностей огромного мира, с другой – убедила, что и возможностей у Всемирной Паутины немерина куча. Надо лишь не отчаиваться, а искать пути и возможности осуществления задуманного. Но при этом совесть моя оставалась чиста – я не хотел никого обманывать, лишь искал покупателей для реальных товаров.

Пойдем дальше...

Как бы то ни было, утешало одно – время бежит вперед! А те, кто считает, что жизнь нелепа, всегда остаются в дураках. Пусть Тома называет меня анахронистом – то есть, не соответствующим нынешнему времени. Но ведь на чудаках держится мир – это давно всем известно.

Вообще-то, если еще раз хорошенько подумать, то во Всемирной Паутине есть что-то очень притягательное – особенно если шнырять по ней поздней ночью. Бессонница – это же лучший друг Интернета. Бодрствующий мозг бешено впитывает информацию – нужную и не очень. Бессонный мозг – это к тому же тайный философ, слишком много мнящий о важности своей деятельности для всего человечества. Как будто если он хоть ненадолго отключится, мир постигнет невообразимое бедствие, и лишь его ночное бодрствование это бедствие пока предотвращает.

Я привык к ночам без сна.

– Да и зачем вообще спать? – спрашивал критиков посвященных. – Выплюсь, когда умру.

Информация... информация... бесконечная информация обо всем, что угодно... Другой вопрос – как из неё делать деньги? Наверное, не я один, а миллионы таких пользователей Инета ломают голову по поводу...

Как говорят умные люди – работать прекрасно, почетно и замечательно, но радуютнастоящему лишь результаты.

Чувствовал, что с каждой бессонной ночью все ближе и ближе подбираюсь к цели – не так уж я глуп, чтобы подолгу топтаться на одном месте. Как будто стою я у дверей банка, где творятся немыслимые финансовые операции и игры по-крупному, и дверь его вот-вот откроется для меня. Это предчувствие приводило в восторг – парня счастливее Вы не встречали! Нет, правда! Страшайте хоть самыми вредоносными вирусами, мне это было бы нипочем. Я был счастлив. Счастливее не бывает...

Ну, почти не бывает... есть лишь одна неприятная мысль. Когда я встречаюсь с кандидатом в партнеры тет-а-тет, практически всегда понимаю, что от него ожидать. Надо быть законченным лжецом, королем всех врунов, чтобы правдиво солгать, глядя в мои глаза. За годы работы по коммерческой части я накопил богатый опыт всех ухищрений и уловок – знал, как бегают зенки у лжецов, знал их жесты и все остальное, что выдает ложь.

Другое дело Интернет и письменные заверения – тут никак на слово верить нельзя. Даже самому себе. Со временем, общаясь в Мировой Паутине, приходишь к досадливому пониманию того, что люди бывают мерзки, глупы и бесчестны, а иногда и просто подлы; что каждое их слово ложь. И всеми, как и везде, здесь движет жажда наживы.

К примеру, отсылаешь свое произведение в солидное издательство... и никакого ответа. Хотя они, конечно, предупреждают – с вами свяжутся, если рукопись нас заинтересует. Ладно, не связались... значит, не заинтересовала. А потом рукопись вдруг всплывает электронной книгой где-нибудь на сайте Южно-русского союза писателей.

Откуда – спрашиваю – ребята? Молчат – хотя готовы убрать, если я точно автор и настаиваю.

Я понимаю – в любом издательстве, даже солидном, работают обыкновенные люди с нормальным (а может, повышенным?) меркантильным интересом. Тут уж ничего не поделаешь – ищи свои возможности заработать.

М-да... Но если отвлечься от меркантильности и непорядочности человеческой, такие чудные картины можно посмотреть в Интернете, которые, кажется, и не существуют в природе. Но они есть, их можно увидеть на экране монитора – и то, как просвечивает сквозь стволы тропических деревьев закатное солнце, как заливает оно ржавым золотом притихшую гладь океана и как зажигает красным сиянием верхушки кудлатых пальм. Мир на таких картинах

озарен тем светом, который освещает проклятым путь к спасению – подсмотрел я где-то эти слова и запомнил.

Думаю, ни один путешественник не увидит в одночасье столько красот и чудес, затерянных неведомо где, сколько доступно простому пользователю Инета. И даже обеспокоился – не слишком ли я стар стал, не слишком ли устал, чтобы любоваться природой на экране, а не в жизни, где все мне стало казаться теперь привычным и затасканным.

В последнее время я действительно устал. Устал глобально. Устал от людей. Устал от книг и телевизора, от новостей и песен по радио. Устал от сплетен и интриг. Все почему-то мне стало не нравиться. Кажется, дошел до такой точки, когда человек абсолютно уверен, что уже слышал все, что мне скажут, и видел то, что покажут.

Возможно, я просто устал жить – начинать новый проклятый день с бритья и чистки зубов. Слишком устал, чтобы готовить еду себе и маме. Устал ездить в Южноуральск и грузить длинномеры железо-бетонными плитами. Спать в кабине по дороге в Челябинск. Спать, вернувшись домой...

Может быть, это и есть то, что называют депрессией – полное отупение, усталая безнадежность...

Возможно, все так и было, если бы не привычный «час Пикуля». Я вставал в два часа по полуночи без трезвона будильника и душевного усилия над собой. Включал под загрузку компьютер, варил кофе, открывал Инет и... о, Господи!.. волшебство начиналось. Чудеса с монитора, ради которых стоило жить!

Возможно, мое состояние называлось Интернетзависимостью...

## 2

Еще когда был у меня магазин на базе ЮЗСК, зачастил в него один армянин – краснолицый и толстощекий, с густо усыпанными перхотью плечами и явной нелюбовью к диете – Георг Кастанян, владелец и руководитель строительной шарашки, называемой в простонародье «армян-строем». Он был общителен и смешлив, но за его веселыми похрюкиваниями всегда чувствовалась некая нечистоплотность обитателя свинарника. Он отличался туповатостью – качество которое акцент армянский мог замаскировать, но не исправить. Да и черт с ним! – нам же вместе детей не крестить, и желания общаться не возникало: обычно лишь кивал в ответ на его заверения. А терпел как неизбежность: в конце концов, он покупатель – куда от этого денешься? На посторонний взгляд могло показаться даже, что отношения наши приятельские.

Авершин Гриша так и решил, как-то спросив после отъезда Кастаняна:

– Твой корифан, Анатолий?

– Ага. Только не знаешь после общения с ним то ли пойти руки помыть, то ли так поблеть.

– Вот-вот, – и Григорий подтвердил свой расизм; правда, он появился не очень давно – после того, когда хачики из шашлычки достали свои кинжалы и обратили в бегство искателей правды, эмигрировавших из Казахстана. – Всякий раз, когда вижу армяна, меня тошнит, как беременную бабу.

Кастанян брал у меня фасанину и чугунину за наличку. Потом что-то выменял на машину «ВАЗ-2106» 1994-го года выпуска, оценив её в тридцать пять тысяч. Потом стал просить в долг. И я давал, снисходительно на него поглядывая – думаю, хачикам всем известно, как наказывает братву курносую за воровство Чесменский.

На день закрытия магазина Кастанян накопил за собой долгов двадцать тысяч. Об этом свидетельствовали накладные на отпуск товаров, которые подписывал его брат, водитель грузовика. Пора было призывать Георга к ответу.

День клонился к вечеру, холодало, небо из голубого становилось темно-синим, когда я отправился к Кастаняну на randevu.

Георг жил неподалеку – в двухквартирном коттедже из белого кирпича сбоку от стадиона. Когда я вошел, хозяин сидел на диване и смотрел телевизор. Увидев меня, он подскочил с таким выражением ужаса на лице, будто на него неожиданно на дороге надвигался с большой скоростью автобус. Вот сейчас ка-ак... Мне даже показалось, что он готов сигануть в окно через стекло, увидев меня на пороге своего дома. Кого это хачик так боится? За кого он принял меня? Наверное, все такие, в ком совесть нечиста...

А ведь обычно бывает такой лошенный, самоуверенный... перхотный, правда, но это, должно быть, чисто армянская национальная традиция – мыть голову чем придется или совсем не мыться. Запашок от них еще тот...

Мы вышли во двор.

Он мог хитрить, а мог говорить прямо – мне бы хватило одного взгляда, чтобы понять лжет он или не лжет. За годы коммерческой деятельности столько вранья пришлось услышать, что у меня выработался на него нюх – пускай даже внешне эта деза выглядит вполне убедительной.

– Я закрыл магазин. За тобою остался долг. Здесь записано, – показал ему накладные. – Двадцать тысяч. Когда отдашь?

Армян покачал своей чешуйчатой головой и хмуро посмотрел на меня.

– Кто подписывался под твоими бумагами? – голос у Кастаняна был хриплым, как воронье карканье.

– Твой брат, который приезжал на «камазе». Ты же сам эту схему предложил – разве не помнишь?

Кастанян поскреб пархатую голову и на мгновение задумался.

– Ну, давай, посмотрию.

– Смотри свои – точно такие же мы водителю заполняли в дорогу.

– А он мне их не отдал.

– Твои проблемы. Ну, так что – платить будем? Или как? Ведь долги как ангина – от них надо избавляться вовремя, чтобы не было горьких последствий.

Георг сухо откашлялся, как будто был раздосадован этим вопросом. Как будто я унизил его... богатого и порядочного армянина. Тем не менее, подарил мне отечески снисходительную улыбку, обнажив нечистые зубы в коричневых пятнах. Я испугался, что меня вырвет, если он немедленно не прикроет зубы губами.

– По три тысячи каждую субботу тебя устроит?

– Вполне.

– Оставь мне эти бумаги, я с братом разберусь.

– Я обменяю их на твои деньги – потом разберешься.

– Ты не доверяешь мне?

– Не доверял бы, не давал товары в долг. И сейчас верю – тебе дешевле будет вернуть, чем артачиться из-за двадцати тысяч.

Кастанян, конечно, понял намек – поскольку злобно ухмыльнулся и тяжело вздохнул, выпуская пар. Я даже почувствовал, как от него исходит негодование. Гордый хачик! Ну-ну...

– Кстати, о брате... А почему ты сам не потребовал с него накладные? Первый раз стройкой руководишь? Не знаешь какие документы выписывают при покупке и перевозке стройматериалов?

– Спрошу, – Кастанян дернул головой, что можно было расценивать как кивок. И издал этот свой дурацкий хрюк. – Возможно, бумажки у него дома лежат.

М-да... вот он такой, армян-строй, в полной красе своей: взятки налево-направо умеют давать, тырить тоже, когда есть возможность, а дела вести согласно нормативным документам –

кто бы их обучил? Мне стало противно от того, что я хожу и упрасываю этого хачика вернуть мне долг. Порядочный человек сам должен помнить о своих кредитах и вовремя их гасить. Включить бы счетчик паразиту! Жаль, что мы не договорились по срокам...

Почему-то есть такие люди, от которых с души воротит. Но каждую субботу вечером в одно и то же время я отправлялся к армяну Кастаняну за деньгами. Он мне молча подавал три тысячи – я молча их получал, и мы расставались, не сказав и трех слов. Так было три раза. На четвертый Георг пропал...

– В Германию уехал, – сказала жена. – За машиной...

– Когда вернется?

– Не сказал...

Я передернул плечами и отправился восвояси.

Кастанян появился через месяц. А во дворе у него расположился сверкающий «Мерседес» – может новенький, может нет... Меня интересовал совсем другой вопрос.

– Тебя не было целый месяц, – начал речь свою с упрека. – Как раз четыре субботы прошли. Может, ты всю сумму разом отдашь? Там осталось каких-то одиннадцать тысяч...

Георг вскинул на меня налитые кровью глаза:

– Ничего я тебе больше не должен. Ничего я тебе больше не дам. Мы в расчете...

Это был второй случай, когда я видел Кастаняна без маски – первый раз он смертельно перепугался и чуть в окно не сиганул, а теперь его одутловатое лицо дышало неподдельной ненавистью ко мне.

– Тебя что, контузила разлука с ишаком? – указал я на «Мерседес».

– Какой ишак? Ты сам ишак! За базаром следи...

Угроза хачика была пустой, но все равно ранила. Я поморщился, спокойно кивнул – мол, понял тебя и сказал, не найдясь даже с умным ответом, не говоря уж об остроумном:

– Не боишься быть оштрафованным за воровство? Ну, смотри... тебе жить.

– Ничего у тебя я не крал! – Кастанян уже брызгал слюной метра на три, и первая порция попала на шею мне. – В твоём магазине цены высокие... Я смотрел Прайс...

– Мог бы не брать – кто ж заставлял? А теперь прости и прощай – с тобой будут разбираться специально обученные люди. Меня тошнит от таких, как ты...

– Давай не пугай...

– Я не пугаю. Ты лучше съезди к своим землякам в шашлычку на автозаправке за Кичигинским поворотом и расспроси – как страшно им было, когда на них наехали за воровство? Сколько они заплатили штрафа – тоже поинтересуйся на всякий случай...

При этих словах глаза Кастаняна зажглись бешеным огнем, какая-то самодовольная, наглая и издевательская гримаса исказила его толстощекую морду – таков был его молчаливый ответ на мои угрозы. Как будто не денег ему жалко, а корезит злоба на весь мир.

А мир этот в моем лице невольно улыбнулся, представив картину, как Чесменский ставит на место зарвавшегося армянина. Сергей обломает его парой слов, доставив мне удовольствие. Он не оставит дерьмо в покое, хотя бы по той простой причине, что наших бьют!

Вернувшись домой, я позвонил Чесменскому и рассказал о проблеме.

Вот что мне ответил Сергей:

– Знаешь, Анатолий... Виктор Анатольевич ведь отказался от завода в Южноуральске и уже получил за него отступные... Мне теперь там делать нечего. Ты обратись к южноуральским пацанам – они должны тебе помочь... Это их обязанность – смотреть за порядком.

От его спокойствия мне стало не по себе. Впрочем, он всегда был уравновешенным человеком – по крайней, мере всякий раз, когда мы встречались. Сейчас в его спокойствии было что-то смертельно равнодушное, будто мы уже не были знакомы и не работали на одного босса. Чувство обреченности затопило душу, вытеснив из неё беспокойство.

М-да... ну и ночь у меня была!

Будь проклят Чесменский! И прокляты эти его глаза, что наводили ужас на Гришу Авершина, моего продавца. И голос его спокойный... и слова... В конце концов, это вера в его всемогущество подтолкнула меня к кредиту для вороватого армянина. Я знаю, у местных бандитов Георг Кастанян в почете – он сам как-то хвастался. И теперь его не достать... Будь проклято все!

Впрочем, если без лукавства, вслух и про себя употреблял слова, которые не рекомендуется размещать на страницах книги. Но не это главное...

Люди глупы. Только я не хотел признавать себя своим в этом толпе.

На следующий день Чесменский позвонил сам – прямо с утра.

– Я разговаривал с Виктором Анатольевичем по твоей проблеме. Он просит помочь тебе. Я сейчас выезжаю. Где мы встретимся?

– А вы хорошо знаете Увелку?

– Что – она больше Южноуральска?

– Да нет. На единственном светофоре повернете налево – там вокзал. Я буду вас ждать на привокзальной площади.

Мы встретились, где условились, два часа спустя.

– Выше голову, приятель! – приветствовал меня Чесменский. – Прыгай-ка в машину и поехали к твоему хачику.

Будто внезапно я очутился в тесном замкнутом пространстве с человеком, один вид которого наводил ужас на посвященных в детали его профессии. Уличный шум замер, ветер стих, и единственное, что осталось – это запах одеколона Чесменского и осеннее солнце на небосклоне.

Я снова рассказал ему историю возникновения долга – о том, что Кастанян, признав его, сначала платил, а сейчас отказался. Я чувствовал себя виноватым, что поверил на слово вороватому хачику.

Закончил словами:

– И теперь я не знаю, что с этим делать – как стрясти с него долг...

Чесменский пристально смотрел на меня, но взгляд его, пронзая, устремлялся к чему-то невидимому.

Кастаняна мы не застали дома. И я не знал, что предпринять.

– Едем к южноуральским пацанам, – сказал Чесменский.

Казалось, он был доволен и приятно возбужден. Он на моей стороне – поэтому беспокоиться не о чем.

Мы пересекли Увелку и выехали на трассу в сторону города. Минут через пятнадцать вошли в штаб-квартиру южноуральских боксеров. Помнится, я уже был здесь когда-то. Да и Чесменский, видимо, тоже – все присутствующие с ним сердечно поздоровались. А на меня не обратили внимания. Лишь тот, который приводил сюда мою персону для разговора, подошел и уставился, сверля тяжелым взглядом.

– Ты опять прыгаешь через голову?

– Все нормалек, – заступился Чесменский. – Мы здесь по делу. Сможете мне найти хачика Кастаняна?

– Жору?

Чесменский взглянул на меня – я кивнул, подтверждая.

– Его.

– Да без вопросов.

Кто-то позвонил по мобильному телефону и доложил.

– Уже едет. Скоро будет.

Ждем. А братки местные, между тем, парни милые и веселые, развлекали гостя челябинского разговорами – рассказами про приколы тюремные и удалые разборки. Истории в общем-

то жутковатые, но в их изложении они были даже забавными. Я поймал себя на том, что думаю: интересно, каково это быть бандюком – бесстрашным и уверенным в себе и в то же время таким ужасно веселым? Они-то уж точно знают, что такое быть мужчиной – не ведать сомнений, не мучиться: прав ты или не прав. Таких ничто не смутит в этом мире – ни окружение, ни то, чего оно ждет от тебя.

Между прочим, один сказал довольно интересную вещь. Отфильтрованная от матов и блатняцкого жаргона, она звучит примерно так: «Счастье – это только отдельные минуты: пришло и ушло до следующего раза. И постоянно счастливыми могут быть только лишь идиоты. А вот горе – это вещь прочная: если уж пришло, само не уйдет». Понравилась мне эта мысль...

Да и пацаны... Сомнения им не ведомы. Сомнения, которые вечно во мне присутствуют, им не страшны. А во мне так сомнения поселились с детских лет и к седым волосам стали прочными, как то горе, о котором только что говорили. Как-то они отыскивали лазейку в мою душу и навсегда поселились в ней. Ну, и я всю жизнь сомневаюсь – в том числе, и в самом себе: сомневаюсь, что могу быть хорошим мужем, отцом, специалистом и гражданином... Теперь даже не знаю, каково это – жить не сомневаясь ни в чем.

Вошел Георг Кастанян. Я даже не сразу его узнал – настолько он суетливо и подобострастно кинулся по кругу пожимать длани всем присутствующим. Но это был он и, наконец, оказался напротив меня, протягивая трясущуюся клешню свою. Я проигнорировал жест дружелюбия:

– Ну, давай еще поцелуемся.

От обиды, наверное, голос прозвучал глухо, как со дна колодца.

Один из местных повел разговор:

– Слышь, Жорик, а за тобой, оказывается, должок, и ты отказываешься платить. Вот этот мужик предьяву тебе выставляет. Что скажешь?

Кастанян бросил на него острый, как у курицы взгляд, и опять кинулся ко мне, пытаюсь завладеть рукой:

– Дорогой! Ты все неправильно понял... Ты меня совсем не так понял... Просто я машину купил и денег сейчас совсем нет... Но я отдам... Сегодня же отдам... Сейчас...

Хачик кинулся к столу, лихорадочно шаря по карманам и выкладывая попавшие в его липкие пальцы купюры.

– Вот... все, что есть пока. Остальные вечером... Вечером приходи ко мне – все отдам.

– Ага, – негромко сказал Чесменский. – Забавный хачик. Обхохочешься.

Я заметил, как переглянулись с Чесменским местные братки, и понял значение этих взглядов – сейчас они будут решать, как наказывать Кастаняна.

– Твой вопрос решен? – спросил меня Сергей. – Ну, тогда – пока.

Я забрал со стола кастаняновскую дань – две с небольшим тысячи – и покинул штаб-квартиру местной братвы. Почему-то я не получил от мести той радости, на какую рассчитывал. Но есть вещи, ответов на которые предпочитаешь не знать.

Я добрался до дома, дождался вечера и отправился к Кастаняну.

На этот час что-то в мире окружающем стало не так – в прохладном воздухе почувствовалось нечто мрачное и зловещее. Может, погода сменится ночью? Но однако же, такой прогноз не снимал ощущения надвигающейся беды – точно кто-то неизвестный и зловещий крался моими следами по улице, прячась за столбы, каждый раз, когда я с беспокойством оглядывался; точно земля под моими ногами в любой момент могла превратиться в выбучий песок.

Никогда прежде не ведал такого страха – разве только в кошмарах. Всю свою жизнь строил на надежной основе здравого смысла и боялся лишь зримого и осязаемого – но только не чертовщины надуманной! Никакие рассказы из «ужастиков» не трогали в такой мере, как угнетало сейчас предчувствие – что-то в мире стало не так.

Глупости какие! – попробовал себя одернуть. – Нервы разыгрались, вот и все.

Но возникшее ощущение не проходило, исподволь завладевая моим сознанием. Боязливо оглядывался и озирался вокруг, а ощущение присутствия кого-то крадущегося за мной все росло, нагнетая душевную напряженность. И уже паника, как ветер холодный в проводах, завывала в сердце моем.

Из этого унылого и нервного тумана, обволакивающего сознание в полусумраке вечера, всплыла одна-единственная позитивная мысль – сейчас Кастанян отдаст мне долг, и никогда более в жизни не буду иметь с ним дел.

Георг подждал меня во дворе и был не один – три кривоносых брата Кастаняны, одинаковой степени волосатости и аромата немытых тел, взяли меня в кружок. Атмосфера мгновенно накалилась. В этом сумрачном забетонированном дворе повеяло чем-то уж очень зловещим, перечеркнувшим все мои уличные предчувствия. Словно шагнул я за ворота и оказался в совершенно другом мире, который уже не Увелка и даже, представьте себе, не Россия. Где я? Черт возьми! Почувствовал, как леденеет кровь. Кто эти люди вокруг меня?

Их беспокойные глаза напоминали подвальных крыс – трусливых и опасных. О господи, смилуйся, убереги меня от всякой нечестии и заразы! Мне и раньше приходилось видеть подобное – когда подлость и трусость, в угол загнанные, вдруг набирают силу и злобу.

Сразу почувствовал себя беспомощным и одиноким – я был в ловушке. Холодные, безжалостные, невидимые руки потянулись к моему горлу. Ледяные пальцы сомкнулись на шее, пережимая кровеносные сосуды, перекрывая доступ воздуха в легкие. Это был конец...

Но ведь никто на свете не умеет умирать так красиво, как русские – никого из двуногих мы не боимся. Хотя осторожность – мать доблести, и речь я начал с приветствия.

– Добрый вечер, братья армяне! Почетная встреча кредитора? Весьма польщен... – сказал с сарказмом, старательно изобразив улыбку и кивнув всем присутствующим сразу.

Георг схватил меня за плечо:

– За деньгами пришел? Тебе мало того, что я дал? Хочешь еще?

Я стряхнул его руку с плеча и оглянулся на братьев за спиной – не с ножами ли они в руках? Потом воззрился на самого младшего и более подлого из всех присутствующих.

– Ты что, Жорик, с чинары упал или братки тебя так здорово прессанули в Южноуральске, что умом тронулся? Ужасно выглядишь, между прочим...

Тот хрюкнул по своему обыкновению, вытаращил глаза, а лицо его начало синеть.

– Ничего я тебе больше не дам! Так и знай...

– Какой же ты мужчина, если слово не держишь? Трясешься от жадности – смотреть противно. Но подумал ли ты бестолковкой немытою, что свои похороны тоже сам будешь оплачивать?

Хачик головою дернул, словно гремучая змея, готовая ужалить, и завизжал высоким голосом:

– Ты что, сука-бл..., решил братвой меня запугать? Не выйдет!

– Черти тебя дери, Кастанян! Не ты ли ползал сегодня у моих ног и прощения просил? На много они тебя наказали? Совсем от жадности спятил?

– Сволочь проклятая! Ты мне за это еще ответишь, – хозяин двора визжал, брызгая мне слюной в лицо, а два шкафа с пустыми антресолями легонько подпихивали меня в спину, нагнетая напряжение обстановки.

Но русские не сдаются!

– Слышь, хачик, я сейчас домой приду, позвоню Чесменскому, и ты будешь очень жалеть, что снова нарушил слово.

Кастанян запрокинул голову и расхохотался, раздув шею, как лягушка живот.

– Не понимаю, о чем ты говоришь. Если про свою «крышу», то дабл я её в рот.

– Ну, знаешь... За слова такие придется сполна отвечать. Слышал я про то, что крысы иногда кидаются на волков, но чаще всего попадают в пасть. Ты, наверное, будешь очередной. Нет, правда, ума у тебя не больше, чем у козла.

– Звони своей «крыше», а я посмотрю, что он тебе скажет теперь.

– Отсюда посмотришь?

Георг махнул рукой, и его оголтелые братья за моей спиной расступились.

Я беспрепятственно дошел до калитки ворот и, открыв её, оглянулся. На лице Кастаняна застыло самодовольное выражение старой обезьяны, добывшей гнилой банан с сухой пальмы.

– Жалко мне тебя, хачик. Завтрашний день для тебя может быть не столь лучезарным, как сегодня. И это будет дорогая цена за то дешевое представление, которое ты и твои братья сейчас разыграли предо мной.

Вдгонку мне понеслись трехглавые русские маты с армянским акцентом.

О господи, думал я, возвращаясь домой, никогда не чувствовал такой душевной усталости. Усталости и печали, бессмыслицы и одиночества. Меня измучили мои же ошибки, и моя ярость, и моя горькая-прегорькая печаль. Когда же все это кончится, и начнется нормальная жизнь? Прав Чесменский, говоря, что я сам виноват во всех своих неприятностях. Видимо, не в свое болото попал, не по себе шапку примерил...

Вернувшись домой, позвонил Сергею и сообщил о том, что армян слово свое не сдержал и более того... Не без ехидства передал слова Кастаняна о том, что он Чесменского дабл в рот.

– Вот даже как? – удивился Сергей. – Ладно. Завтра разберемся.

И отключил связь.

А чего же я ждал – оперативной и неотложной помощи? Меня как-то разом пронзило прозрение. Боль догадки возникла вдруг и все разрасталась в груди. Впрочем, теперь это была уже не догадка, а уверенность. И уверенность неприятная. Кастанян неспроста стал бузить – что-то поменялось в течение дня. Разборки, должно быть, прошли не так, как ожидал, и я, похоже, в них проиграл.

Какой же был идиот! – с горечью подумал о ситуации. – А теперь вот за все это расплачиваюсь...

Искреннее раскаяние овладело душой.

Вышел во двор освежить раскаленную голову. Влажный ночной воздух повеял прохладой в лицо. Дождь – или что там посыплет с неба? – еще не начался, но влажность настолько была высокой, что с крыши уже закапало. Мир был окутан промозглой сыростью и холодным туманом, который нес с собой запахи умершего лета. Окна в соседних домах не светились – видимо голубым огонькам экранов не хватало сил пробиться сквозь обступившую окрестности мглу. Казалось, будто весь мир съехался и застыл, а природа накрыла его ватным одеялом.

Вернулся домой, размышляя о том, что теперь будет и что надо делать.

Где-то читал, что признаком глубокой депрессии являются постоянная усталость и настоятельная требовательность во сне. А еще в размышлениях о сути жизни и несостоятельности веры в Бога. Ведь всем понятно, что Георг Кастанян – человек порочный. Но земля не разверзлась под его ногами. Значит, спит Господь Бог, если он есть...

Что ж, так – значит так.

Ну и день выпал сегодня – все вверх дном!

Внезапно ослабев от страшного напряжения последних суток, я грохнулся спать и проспал без просыпа двенадцать часов подряд.

В эту ночь шел мокрый снег. Но когда настал новый день, ледяная крупа перестала сеяться с неба, и задул холодный ветер. Я остался дома, не позвонив даже на ЮЗСК по поводу погрузки плит – все ждал звонка. Но Чесменский не позвонил. И я утвердился в подозрении – тема закрыта не в мою пользу.

Не буду я ему больше звонить и не пойду к Кастаняну – к чему? Смотреть, как его обезьяньи глазки искрятся весельем, а сам он закатывается хохотом? Да, он выиграл этот раунд, но ведь еще не вечер. Когда-нибудь и на чем-нибудь я обязательно поймаю проклятого хачика, которого мало повесить – накажу финансово и скажу все, что о нем думаю. Вот будет праздник на моей улице!

Но пока эта минута не настала, простой здравый смысл требует признать свое поражение и временно отступить – ну, не бить же ночами в отместку ему окна в коттедже камнями. И если это называется лицемерием, что ж пусть так оно и будет.

Раздражало то, что обвел меня вокруг пальца безграмотный хачик, предки которого только вчера слезли с чинары. Как сказал про них герой одного известного фильма – в Россию на ишаках, обратно в «Мерседесах». Пора бы уже догнать, как они это делают...

Однако наступит день, наступит час, когда придет праздник и на мою улицу.

Но для того, чтобы он наступил, нужны тугрики – ни больше, ни меньше.

Я находил удовольствие в этих мыслях о будущем – вот когда у меня будут деньги, много денег... Мне достаточно было верить, что такой день обязательно наступит, и я не поспею для своей мести – обязательно раздавлю Георга Кастаняна. Во что бы то ни стало! Чем я хуже графа Монте-Кристо?

Мне очень хочется стать богатым прежде всего для того, чтобы иметь возможность послать к черту любого встречного поперечного. А вот армяна Кастаняна точно сотру в порошок!

Ну, а пока, надо засунуть свою ненависть куда подальше и не трогать лиха, пока спит тихо. Неспроста ведь Чесменский отступился и проглотил армянское: «Дабл ю в рот». Так что, не стоит поднимать шума, когда делу нельзя помочь, даже если нутро кипит. И лозунг момента, как говорил покойный ныне товарищ Ленин, должен звучать так – не вопи, а с улыбкой жди своего часа.

В жизни бывают взлеты и падения – с контрастами приходится мириться: они вынуждают нас к этому. И когда происходит что-то неприятное, а ты ничего не можешь поделать, какой смысл кричать и кататься в истерике по полу? Легче будет отступить, затаиться... и это потом старицей окупится. Таков секрет выживания.

А подленький Кастаняшка от меня никуда не денется: врун всю жизнь остается вруном, а вор – вором. И самых ловких из них наказывает Судьба. Умный и грамотный человек всегда может заработать себе на жизнь, а вор обязательно будет сидеть в тюрьме. Пусть обманет он одного-двух простофиль, но ведь слава дурная поползет за ним как удушливый запах немытого тела – и уж имя свое ему никогда не отмыть. Дайте срок – и ФИО Георга Кастаняна станет синонимом параша: оно будет недостойно плевка. Не я, так Бог расправится с ним – от возмездия подлый хачик не уйдет!

Хотя... когда он нужен, Всевышнего нет, как нет совсем. Но когда не надо, он бывает свирепым и карающим. Пойди – угадай и угоди...

Никто не учил меня искусству-науке-религии (подчеркните понравившееся) мести, однако возможные предпринятые мною шаги в отношении армяна Кастаняна должны быть точными и тонко рассчитанными. В них должно быть нечто особенное и уникальное, чем бы я мог гордиться долгие годы, не разочаровываясь.

Интересно, сколько это может продлиться – подготовка и осуществление акта возмездия? Сколько времени мне потребуется, чтобы удовлетворить свою ненависть?

Да хоть бы и вечность!

Мсть мстью, но я не собираюсь лезть в пекло вместе с хачиком Кастаняном, когда туда его потащат черти. В жизни есть много способов умереть более достойно. Один из них – тихо дожить свои дни в постели. Руководствуясь этой мыслью, я даже попытался себя убедить, что это не так уж скверно, что существует на свете плохой человек – вор и обманщик – кото-

рого обязательно следует наказать. Надо поблагодарить Судьбу за то, что появился на моем пути хачик Кастанян: мне еще не встречался человек, вызывающий такую ненависть и желание отправить его в ад. Это происшествие может послужить и моему воображению сочинителя. Ведь теперь я постиг, что есть такое нравственная пытка.

Наказать любым способом – авантюристам вроде меня совесть в таких делах практически не нужна. Или я не авантюрист? Или не пытаюсь извлечь выгоду из любых обстоятельств, не задумываясь – хорошо это или плохо? Да Кастанян и не заслужил, чтобы с ним поступали по-честному.

Но для возмездия стоит жить и работать, не опуская рук. Судьба меня подстегнула. Спасибо ей за это...

Короче, армян Кастанян – мы еще встретимся!

Наверное вы уже поняли, что к чему – я сижу и накачиваю себя водкой, представляя планы на будущее. Свет за окном потускнел, потом погас, а я все сидел, пил и думал с глазами полными слез – возраст сделал меня чувствительным. А в доме было гнетуще тихо – даже мама не ворчала по своему обыкновению на мое пьянство.

Итак, чего же я хочу?

Деньги и уверенность в завтрашнем дне – вот что мне нужно! А разве я их раньше не хотел? Сейчас не знаю. Когда-то знал, но уже почти забыл. Больше всего хотел, наверное, чтобы меня оставили в покое. Чтобы меня не донимали люди, которых я не люблю. Чтобы меня не заставляли делать то, чего мне не хочется.

Но это было в советское время – сейчас все изменилось. И мы меняемся...

Великие чувства – а ненависть в их числе – способны, говорят, подвигнуть нас на дела великие. Но человек не может двигаться вперед, если душу его разъедает боль воспоминаний. Из сложного клубка чувств, в который скрутились они в последние дни, родилась меланхолия – точно ворон уселся на плечо, каркая в ухо и долбя темечко. Злость на хачика, боль от ухода любимой женщины очень скоро сменились непостижимой апатией. За последнее время из моей жизни исчезло многое, придававшее ей остроту. Я и сам теперь не понимал, что со мною происходит. Будто ушло дорогое что-то как детство навсегда.

И кстати, наверное я потерял способность разбираться в людях, которой когда-то гордился очень. Из двух лиц последнего конфликта не сумел разгадать ни одного – ни Чесменского, ни Кастаняна. В сознании где-то таилась мысль, что бандюки только говорят о чести, но охотятся всегда за деньгами, и что армянам нельзя верить на слово в ни коем случае. Вот если бы я к ней прислушался раньше, не возникло бы этой ситуации. Может, лучшие мои годы уже позади?

С тоскою думал – мы все сильны лишь задним умом.

Но, благодарение Богу, существует на свете водка, которая дарит отупение. А если бы не она, острая боль обиды порвала сердце мне на куски.

Сейчас я не стану об этом думать, – мрачно решил, подливая в стаканчик «огненной воды». – Иначе сойду с ума. Подумаю завтра. И сила русского духа поможет мне, как всегда помогала в лихую годину моим предкам далеким и близким. А сейчас только залью свои раны...

От этих мыслей стало немного легче, а боль отодвинулась в глубь сознания. Желание мести – это болезнь. Но что толку хлестать мертвую лошадь? На время мне придется освоить роль пессимиста. Сегодня – это сегодня, что будет завтра неведомо. Жизнь моя переполнена событиями, но лишена смысла! А я слишком ленив и независим, чтобы все бросить и устроиться куда-нибудь на работу, как все люди.

В интернеткоммерции нет ничего плохого, однако это путь к одиночеству. А ведь надо общаться с людьми. Надо хоть иногда смеяться. Надо писать свои рассказы – ведь их публикуют журналы. И конечно, надо следить за собой – например, одеваться получше...

Опорожнив бутылку, я с трудом разделся, улегся и накрыл голову подушкой, снова и снова убеждая себя, что все не так уж и плохо.

Это еще не катастрофа, – мысленно повторял. – Не катастрофа... не катастрофа...

Неделя после разборок с Кастаняном казалась невыносимой. Конечно, это моя вина. Наверняка существует много способов злорадства над врагом, не превращая, однако, месть в самоцель. Но я, наверное, слишком глуп, чтобы найти эти способы. А жизнь и её обстоятельства, то есть неподконтрольные мне события, должно быть, сбились с ног, чтобы усугубить всепроникающие невзгоды и безнадежность, коими пронизаны мои уникально паршивые дни – настолько паршивые, что их невозможно отличить один от другого.

Не было ангела на правом плече, не было дьявола на левом; не было мысленного взвешивания «про» и «контра» для быстрого продумывания возможных последствий, обходных путей или запасных вариантов затеваемых действий. Ни одной дельной мысли – я просто плыл по течению, машинально совершая жизненный круг. На душе было неимоверно легко, и было офигеть как глупо – но очень скоро первое стало походить на второе. Жизнь не всегда идет по плану – мутные потоки событий зачастую несут нас в даль неведомую.

Я собирался что-то новое предпринять в интернеткоммерции, но у компьютера каждый раз меня охватывали усталость, лень и инерция. Поэтому без всяких новаций тупо размещал информацию о своих товарах и слепо верил, что успех – это, в конечном счете, всего лишь сумма попыток.

Осень. Все садово-огородные дела закончены. Выключив компьютер после ночного бдения, я отправлялся на пробежку. Потом звонил на ЮЗСК и, если мне отказывали в погрузке плит, заваливался спать. Возможно, звучит угнетающе, но это был лучший месяц за несколько последних лет.

Отупение душевное никак не сказалось на физической форме. Вечерами ходил на стадион – играл в шахматы и настольный теннис.

Когда меня спрашивали: «Чем занимаешься?», отвечал, что безработный. Мне не верили: «Для безработного слишком рожь довольная». И советовали: «Шел бы в „Ресурс“ – они всех берут». На что отвечал – мол, не рожден для труда рутинного.

Однако наслаждаться ленью и расслабленностью стыдно, и я старательно демонстрировал окружающим пристойную комбинацию печали, сожаления и подавленности.

Бывшие друзья детства и нынешние забулдыги частенько мне выговаривали – мол, совсем отбилась от стаи: не пьешь, даже когда есть повод и возможность. Того не знали, что я привык выпивать в одиночестве. И не в той отчаянной, безнадежной манере типа – я должен пить, чтобы пережить происходящее. Я напивался, чтобы душу свою разгрузить.

В университете марксизма-ленинизма меня учили разговаривать с людьми – не с трибуны, а запросто, но целенаправленно. Главное – помнить, что никого не интересует твой род занятий или ценное мнение по любому вопросу. Поэтому сам задавай вопросы – спрашивай о чем угодно, изображай горячий интерес, заполняя неловкие паузы новыми вопросами.

После практики в газете и райкоме партии я мог вести беседу с кем угодно, но это уже не приносило такого удовольствия в нынешнем моем состоянии. Потому-то, может быть, и застолья с друзьями детства и прочими забулдыгами меня не влекли.

И кстати, теперь я ценю гораздо выше умение изящно закончить беседу.

Следующие три недели пролетели примерно одинаково. Настроение портили ежедневные звонки с предложениями что-нибудь продать через Интернет. Происходило это примерно так.

Голос в трубке:

– Здравствуйте. У меня есть коллекция редких марок. Досталась в наследство. Не могли бы вы помочь в реализации?

– Да, пожалуйста. Но нужны будут сканы самых дорогих из них, потому что возникнут вопросы – что конкретно предлагается?

– Простите, что такое сканы?

– Оцифрованные фотографии марок. Если сами не сможете сделать, приезжайте ко мне.

– Спасибо. Скажите адрес.

Я озвучивал, но никто не приезжал, не звонил, не...

Кроме этих безрезультатных звонков были другие – более конкретные, информацию о которых я записывал и выставлял в интернет. Предлагали свои машины и тракторы, библиотеки книг и коллекции картин, стоки бытовой электротехники и конфискаты одежды с обувью...

Вот такая получалась коммерция!

Я забывал о депрессии, хотя трудно судить об этом, поскольку подъема душевного еще не было. Кроме утренней пробежки, похода в магазин за продуктами и на стадион размяться я почти не выходил из дома и ломал голову над тем, как построить жизнь остатнюю, чтобы не работать совсем.

Знаете, многие любят нести чепуху вроде: «Стоит мне неделю побыть в отпуске, я уже на стену лезу от скуки! Наверное, я из тех, кому необходимо чем-то заниматься, вносить свой вклад... ну, вы понимаете меня». Нет, не понимаю. Жизнь без работы на производстве мне казалась прекрасной. Меня устраивало быть бездельником, коим мама меня считала. И хоть денежный ручеек после реализации со склада своих товаров почти совсем пересох, я не терял надежды раскрутить Интернеткоммерцию.

Кстати, о вороватом хачике Кастаняне – виновнике, как я полагал, моей великой апатии ко всему...

Прослышав о моих разборках с ним одноклассник Михаил Андреев так сказал:

– Тебе еще повезло. У Жорика дядька полжизни зону топтал, и с такими подвязками он тебе вообще мог ничего не отдать.

Вот даже как! Ну что ж, спасибо судьбе...

### 3

Мою способность вцепляться задаче в задницу не раз положительно отмечал Генеральный директор Увельского завода ЖБИ Бондаревский Н. И. С его железо-бетонных изделий и началась моя самостоятельная коммерческая деятельность. Я, правда, пришел на завод не с пустыми руками и не просителем, а с мытым песком от ООО «Инма», но поработали мы на славу. Много воды утекло с тех пор, но Николай Иванович и сейчас готов встретить меня с распростертыми объятиями на предмет сотрудничества, однако разразился упреками при случайной встрече в центре Увелки.

– И куда ты пропал?

Одной рукою он сжал мою длань, другой похлопал по плечу. Мне было приятно – ну, кто еще, кроме мамы и нашей собаки, теперь так рад встречи со мной?

– В интернете увяз, и нет мне преград – пискнул я, сочинив остроумный ответ.

Он засмеялся не добродушно.

– Как говорится, в виртуальной жизни всегда есть место подвигу. Пришел твой черед быть героем?

– Совершенно согласен: пока живу – надеюсь, – ответил я и в милой манере самодовольного хрена стал рассказывать собеседнику о преимуществах коммерции в интернете; потом поинтересовался с акцентом таджикским. – У вас как дела? Плиты, блоки, бордюры торгуем, да-а?

– И щебень, – добавил Бондаревский. – А что остается делать? Это наша работа. Причем, порой в убыток себе.

По принципу – ты убегаешь, я догоняю – начал расхваливать своё занятие: мол, возможности интернета не ограничены, и скоро мои усилия заметит планета вся.

– Однако, очень выгодно заниматься коммерцией виртуально. Вот сейчас мы стоим и болтаем, а десятки... сотни... тысячи потенциальных покупателей просматривают мою информацию и размышляют, а не приобрести ли для себя эти вещи? А я еще поторгуюсь...

– М-да, интересная у тебя жизнь, – согласился Бондаревский, явно не замечая сарказма ситуации.

Но я не чувствовал за собой вины – молчи, грусть, молчи! – если дела мои с интернет-коммерцией пока не дают результата, так почему не отнестись к происходящему с юмором? Зачем Генеральному директору завода знать, что я уже спустил всю наличность, отложенную на черный день, и пока целую в задницу прибыль от продаж в виртуальном пространстве? Что я в панике от проблем, которые множатся, как кролики по весне. Все мое прежнее хладнокровие и уверенность в себе и своем будущем улетели к чертям собачьим. А сохранять самообладание становится все трудней и сложнее. Мне пока удается выдавать внешнюю видимость благополучия, но это, чувствую, не надолго.

Открыл рот, чтобы предложить свои услуги интернет-пиарщика продукции Увельского завода ЖБИ, но тут же понял, что в этом нет смысла – Николай Иванович все слышал, и если сам не спрашивается, то значит: либо реклама в инете у него уже есть, либо он ей не верит, что вполне обосновано. А мне просителем быть не удобно. Вопрос чувствительный для меня, и лучше его не трогать. Но в рукаве оставался еще один козырь...

– Николай Иванович, а нет ли у вас чего такого, что вы сами не можете продать? Я бы с удовольствием вам помог.

– Ну, как не быть – в любом хозяйстве всегда найдется вещь ценная, до которой никак не доходят руки.

Мне хотелось спросить: «И давно на руках ходите?», но воздержался, увлекшись новой информацией.

– И что это?

– Приезжай, покажу...

– Хорошо, завтра буду у вас – Париж стоит обедни!

Приободрившись мыслью, что всякая полезная коммерческая информация вначале несет в себе препятствия, которые надо преодолевать, назавтра – а выдался теплый день середины осени – в выцветших джинсах и уютном свитере, оседлав машину, отправился на Увельский завод ЖБИ.

Бондаревский приветствовал меня словами:

– Давненько ты у нас не появлялся. Расскажи, что нового в твоей виртуальной жизни.

Меня всегда поражало, как прост и доступен Генеральный директор такого крупного предприятия не только на улице в случайной встрече, но и в своем офисе на работе. А его вопрос подбросил пищу для монолога о том, что больше всего меня нынче заботит – давно хотелось перед кем-нибудь выговориться от души. И я, усевшись на стул у стола посетителей, снова понес туфту о своих успехах в интернеткоммерции почти с бандитскими распальцовками (ну, вы понимаете о чем это я?), с каждой минутой ощущая себя все большим ослом. Выставлял свою персону в глазах собеседника чуть ли не суперменом, который решает чужие проблемы. Короче – пир трепа, да и только! Или полный Апофигей... а, может, зашевелилась новая паранойя? Я язык отболтал, дорвавшись до халявного собеседника. И мне даже показалось от собственного вранья, что прошли плохие времена – ибо все это не было лишено смысла. Я врал о своих успехах в виртуальной коммерции и в душе поздравлял себя за искренность, неотличимую от настоящей, которую с удивлением слышал в собственном голосе: когда хочешь что-то продать, быстро учишься лгать людям в глаза. Понимал, что несу полную ахинею, но не мог остановиться, в кои веки имея перед собой внимającego собеседника.

А Бондаревский слушал с улыбкой, выказывая похвальную готовность одобрять мою непросветную ложь за прежние заслуги человека высоких моральных качеств. Вот такой он лояльный человек...

Наконец, отпив воды из графина, хозяин кабинета откашлялся, прочищая горло, и, прервав меня, предложил:

– Пойдем, я покажу тебе то, до чего мои руки никак не доходят.

Я испытал огромное облегчение, что меня наконец-то избавили от собственного словоблудия.

– Отличная мысль! Давно пора, – с готовностью согласился, вскакивая со стула.

Мы пришли с Николаем Ивановичем на открытую производственную площадку рядом с длинным зданием (цехом?) по производству железобетонных изделий. Огромные козловые краны бегали здесь по рельсам. Один из них поднял плиту над крайним автоклавом – то ли не нужным для производственного процесса, то ли уже отслужившим свой срок. В нем покоился огромный деревянный ящик, упакованный стальными лентами и напоминающий формой груз-200 с останками Кинг-конга внутри.

– Что это?

– Автомат по производству тротуарной плитки. С нами рассчитались за дебиторскую задолженность, а мы не знаем, как ему дать толк. И для чего? Лучше продать, как он есть...

Я озадачился:

– Это все, что можно о нем сказать, не вскрывая ящика – «Автомат по производству тротуарной плитки»? А документы внутри?

– Документы в конторе. Пойдем покажу...

Мы вернулись в административное здание завода. Бондаревский предъявил мне паспорт станка по производству тротуарной плитки, который тут же скопировали до последней страницы по моей просьбе. Теперь у меня на руках информация для размещения в интернете.

– И какова цена?

– Мы получили его за возмещение долга в триста тысяч – хотелось бы вернуть наши деньги.

– Понял вас, Николай Иванович, но давайте сделаем так. Поскольку всегда и со всех я беру за посреднические услуги десять процентов от суммы продаж, то оценим ваш товар в триста пятьдесят тысяч рублей. Я подгоняю вам стадо покупателей, вы устраиваете аукцион, а желающие заниматься производством тротуарной плитки поднимают цену до «полумиллиона». Вы ставите точку, отдаете станок, получаете деньги и отстегиваете мне десять процентов. Годится?

– Звучит не плохо.

– Ну, тогда с Богом!

Мне действительно нужна помощь Всевышнего, бо станок стоимостью триста пятьдесят тысяч был для меня сейчас товаром всех времен и народов.

Вернувшись домой, оцифровал всю информацию об автомате для производства тротуарных плиток на собственном сканере. Если на то пошло: боевой пост – как говорят во флоте – к бою и походу готов. Ждем часа ночи...

Ночью, размещая новую информацию на доски бесплатных объявлений в интернете, ерзал на своем мобильном кресле и молился неизвестному божеству: «Ну, пожалуйста, подгони мне покупателей на товар. Пусть они заберут этот долбанный станок вскладчину за миллион». Сидел и стучал по клавиатуре, гоня старенькую «мышку» по коврику на столешнице – стучал и молился... Пока до меня не дошло, что ночь уступила место утру, и мне пора уже на пробежку. Время пролетело с удивительной быстротой. И все было замечательно...

Свежие темы нужно лелеять: быть может, какая-то из них спасет меня от надвигающегося катаклизма. А начало её – самый лучший период.

Окрыленный хорошим настроением, я сбегал к листовнице и, вернувшись, позвонил на ЮЗСК – мне ответили: «Приезжайте, плиты погрузим...»

Все действительно оказалось замечательным, поскольку уже в следующую ночь получил письмо от потенциального покупателя. Парни из Уфы выразили желание приобрести станок для производства тротуарной плитки. Затеял с ними переписку – отослал все имеющиеся по станку документы, ответил на все доступные мне вопросы. Остался последний – он звучал так: «Куда и когда нам приезжать?» Парни собрались прикатить на «камазе», а, стало быть и с деньгами сразу.

Утерев слезы счастья, капавшие с подбородка, я собрался с силами, не желая выдавать предательской дрожи в голосе, и, позвонив Генеральному директору Увельского завода ЖБИ, ощутил невольную гордость за собственное самообладание и четкую дикцию:

– Николай Иванович, есть клиент на станок. Ждет команды «Фас!», чтобы прикатить из Башкирии на «камазе» с полным кузовом русских рублей. Договор пишем?

– Какой договор?

– О моих посреднических услугах и десяти процентах гонорара.

– Анатолий, тебе что, недостаточно слова директора? – вопрос был задан тоном обиженного человека.

Привычки умирают, но не сдаются. После подлости пархатого Кастаняна, которому не переставал горячо желать полного краха на этом и том светах, самому себе дал слово – никаких разборок, никаких бандитов: только законный договор о посреднических услугах, на основании которого в случае непорядочности партнера я могу обратиться в суд. И вот опять за рыбу деньги...

Что я должен ответить Бондаревскому?

Судьба... Непреложно, несомненно, очевидно – снова судьба испытывает меня. Что ответить? Как поступить? Настаивать на своем, сославшись на инцидент с вороватым армяном или довериться слову директора, который ещё ни разу меня не подводил?

– Ну, хорошо, – ответил, а про себя добавил – в последний раз поверю человечеству и больше никакой лжи не потерплю.

Вставил трубку в гнездо зарядника факса, и меня тут же охватила тревога. Ну, какой же я слабак! Нет, ни при каких обстоятельствах нельзя полагаться на волю случая или честное слово постороннего человека. Мало меня учила жизнь?

Тем не менее, когда ночь настала, я отправил дорожную карту маршрута пути от Уфы до Увельского завода ЖБИ адресату, жаждущему заполучить станок для производства тротуарной плитки. Отсидев за компьютером положенный срок, в 6—00 оделся по погоде и потрусил через поле в лес – к тотемной листовнице.

Но мыслями я был в теме... Покупателям из Башкирии, кроме всего прочего, отправил и свой номер телефона – они позвонят, если заблудятся в наших лесах. Или позвонят, когда приедут – уже сегодня. Скоро-скоро...

Я не мог думать ни о чем другом. Мир словно сузился до размеров туннеля, и меня заботило лишь то, что ждет в его конце. И вот какая мысль донимала – ну, пусть приедут, пусть купят этот долбаный станок, но по закону подлости что-то должно пойти не так. Например, Бондаревский пожадничает и откажется платить мою долю, нарушив данное слово. Или другой вариант: если башкиры найдут Увельский завод ЖБИ и, рассчитавшись, заберут себе станок, откуда я буду знать, что сделка состоялась? Кто мне об этом позвонит? Николай Иванович промолчит и тогда... Мысли бились, как бабочки в сачке. Что будет? Не знаю...

Все будет хорошо! Если повторять это достаточно часто, так и получится.

Вернулся домой, восьми еще не было – на факсе мигает красный огонек автоответчика.

– Это Бондаревский. Где ты бегаешь? (как в лужу подсматривает – говорят в народе) Твой клиент из Уфы уже здесь – на «камазе», с деньгами... Поторопись – ждать он не собирается, – и перед тем, как отключиться, Николай Иванович коротко хохотнул довольный.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.